

Всеволод Михайлович Гаршин. Художники

OCR, spellcheck: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, 14 декабря 2004 г.

I

ДЕДОВ

Сегодня я чувствую себя так, как будто бы гора свалилась с моих плеч. Счастье было так неожиданно! Долой инженерские погоны, долой инструменты и сметы!

Но не стыдно ли так радоваться смерти бедной тетки только потому, что она оставила наследство, дающее мне возможность бросить службу? Правда, ведь она, умирая, просила меня отдаться вполне моему любимому занятию, и теперь я радуюсь, между прочим, и тому, что исполняю ее горячее желание. Это было вчера... Какую изумленную физиономию сделал наш шеф, когда узнал, что я бросаю службу! А когда я объяснил ему цель, с которой я делаю это, он просто разинул рот.

- Из любви к искусству?... Мм!... Подавайте прошение. И не сказал больше ничего, повернулся и ушел. Но мне ничего больше и не было нужно. Я свободен, я художник! Не верх ли это счастья?

Мне захотелось уйти куда-нибудь подальше от людей и от Петербурга; я взял ялик и отправился на взморье. Вода, небо, сверкающий вдали на солнце город, синие леса, окаймляющие берега залива, верхушки мачт на кронштадтском рейде, десятки пролетающих мимо меня пароходов и скользивших парусных кораблей и лайб - все показалось мне в новом свете. Все это мое, все это в моей власти, все это я могу схватить, бросить на полотно и поставить перед изумленною силою искусства толпою. Правда, не следовало бы продавать шкуру еще не убитого медведя; ведь пока я - еще не бог знает какой великий художник...

Ялик быстро разрезал гладь воды. Яличник, рослый, здоровый и красивый парень в красной рубашке, без усталости работал веслами; он то нагибался вперед, то откидывался назад, сильно подвигая лодку при каждом движении. Солнце закатывалось и так эффектно играло на его лице и на красной рубашке, что мне захотелось набросать его красками. Маленький ящик с холстиками, красками и кистями всегда при мне.

- Перестань грести, посиди минутку смирно, я тебя напишу, - сказал я. Он бросил весла.

- Ты сядь так, будто весла заносишь.

Он взялся за весла, взмахнул ими, как птица крыльями, и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал карандашом контур и принялся писать. С каким-то особенным радостным чувством я мешал краски. Я знал, что ничто не оторвет меня от них уже всю жизнь.

Яличник скоро начал уставать; его удалое выражение лица сменилось вялым и скучным. Он стал зевать и один раз даже утер рукавом лицо, для чего ему нужно было наклониться головою к веслу. Складки рубахи совсем пропали. Такая досада! Терпеть не могу, когда натура шевелится.

- Сиди, братец, смирнее! Он усмехнулся.

- Чего ты смеешься?

Он конфузливо ухмыльнулся и сказал:

- Да чудно, барин!

- Чего ж тебе чудно?

- Да будто я редкостный какой, что меня писать. Будто картину какую.

- Картина и будет, друг любезный.

- На что ж она вам?

- Для ученья. Вот напишу, напишу маленькие, буду и большие писать.

- Большие?

- Хоть в три сажени.

Он замолчал и потом серьезно спросил:

- Что ж, вы поэтому и образа можете?

- Могу и образа; только я пишу картины.